

Дать въ объявленіи 2а строчку шестъ перахъ титловъ 20 к., шестъ титловъ—10 к.
Съ мѣсяцъ Россіи и изъ-за границы объявленія принимаютъ исключительно въ Центральной
Контрѣ объявленій „Торгового дома Л. и В. Мотель и Ко“ въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Сытина,

и въ ея отдѣлахъ: въ
С.-Петербургѣ, на Большой
Коршовой, № 11 и въ
Варшавѣ, Краковская
Почта. Отъ торг.
универсала и промисла,
руч. мѣстныя и всего
Сѣверо-Западнаго Края
объявленія принимаютъ по
имѣн. съ авторомъ
гг. Подписаніи и
объявленіи при-
ма въ авторѣ ред.: Невскъ губ., в-во шестъ книж. магаз. Подписная цѣна: съ зост.
и при: въ 12 м.—5 р., 11 м.—4 р. 70 коп., 10 м.—4 р. 30 к., 9 м.—4 р., 8 м.—3 р. 70 к.,
7 м.—3 р. 40 к., 6 м.—3 р., 5 м.—2 р. 60 к., 4 м.—2 р. 20 к., 3 м.—1 р. 70 к., 2 м.—1 р. 20 к.,
1 м.—75 к., 2а границу домаш. 60 к. за кажд. мѣсяцъ. Подп. считается съ 1 числа кажд. мѣсяца

Телефонъ редакціи и конторы № 229.
Отдѣльные ММ въ продажѣ по 5 коп.

Допускается вѣсочная подп. платы: I) при вост.—2 р., 1 мѣ.—1 р. 60 и 1 августа
1 р. 60 коп. или II) при вост.—2 р., 1 мѣ.—1 р., 1 мѣ.—1 р. и 1 сентября—1 р. За вѣс-
очную плату: извѣстнаго на извѣстнаго, города, на извѣстнаго и на оборотъ—25 к.; городского
на городского—15 коп. Агентства, конторы для подписки, объявленій и розничной продажи открыты
во всѣхъ городахъ Сѣверо-Западнаго Края.

Статьи для на-
печатанія должны
быть представлены за
подпискою автора, съ его
адресомъ, хотя бы ав-
торъ желалъ скрыть
свое имя въ печати.
Статьи, доставляемыя
безъ обозначенія редак-
ціи, считаются безвѣст-
ными. Желая статью,
корректировку и сти-
хотворенія, прозаическія
высказанія, редакціи не
возвращаются.

Статьи, въ случаѣ надобности, выдѣлять
кратчайше и сокращенно. Редакціи

для личнаго объявленія открыта ежедневно, за исключ. дней праздни-
ковъ, отъ 12 до 2 ч. дня. Контора открыта ежедн. отъ 10 до 3 час. дня
и отъ 6—8 ч. веч.; по праздн.—отъ 10 до 1 час. дня.

ВЫХОДИТЪ въ Минонъ губ. ЕЖЕДНЕВНО

изъ-за дней поста праздничныхъ.

Телефонъ редактора № 235.
Отдѣльные ММ въ продажѣ по 5 коп.

Заграничная печать—памяти Чехова.

Чеховъ былъ не только русскимъ, но и европейскимъ писателемъ. Много изъ написаннаго имъ переведено, прочитано и по достоинству оцѣнено и западно-европейскимъ читателемъ. И теперь его кончину съ глубокою искренностью оплакиваетъ и западная печать, какъ общую, незамѣнимую утрату.

Газеты, уже 2-го іюля узнавшія по телеграфу о скорбной баденвейлерской драмѣ, на слѣдующій день посвятили А. П. прочувствованныя статьи, съ характеристикой его писательской личности и выясненіемъ главныхъ мотивовъ его печальнаго, задумчиваго творчества.

Пока получены лишь нѣмецкія газеты, берлинскія и вѣнскія. „Neue Freie Presse“, между прочимъ, пишетъ:

„Россія должна облечься въ трауръ, потому что Чеховъ, наряду съ Горькимъ, былъ украшеніемъ ея молодой литературной гвардіи. Но и Европа, несомнѣнно, съ болью узнаетъ объ этой утратѣ, потому что уже давно хорошо знали Чехова у насъ знатоки литературы, а въ послѣдніе годы—и большая публика“.

„Вначалѣ,—пишетъ та же газета,—онъ стоялъ всецѣло на національной почвѣ. Въ первомъ томѣ своихъ очерковъ онъ рисовалъ тихія картины своего обширнаго отечества, русскіе дни и русскія ночи, русскіе пейзажи и русскихъ людей. Тяжелыя тѣни, подобныя туманамъ сѣвера, лежатъ на всѣхъ его образахъ, гнетъ тьмы давить ихъ, нѣтъ солнца. Блескъ красокъ вообще не давался Чехову. Онъ принадлежалъ къ литературнымъ рисовальщикамъ, но не колористамъ. Но то, что онъ съ такимъ очарованіемъ рисовалъ въ своихъ рассказахъ, сѣрымъ по сѣрому, съ легкимъ налетомъ пессимизма,—непосредственно напоминало Гоголя и Достоевскаго. Своимъ тонкимъ, острымъ карандашомъ онъ съ такою жизнью, точностью воссоздалъ передъ нами типы своего народа, его мечтателей, разочарованныхъ, преступниковъ, дворянъ и крестьянъ, что неподвижное однообразіе этой русской жизни исчезало, и съ ясностью проступали передъ нами тысячи тончайшихъ оттѣнковъ.“

„Затѣмъ,—пишетъ цитируемая газета,—кругозоръ писателя расширился. Произошла сильная перемѣна. Изъ „націоналиста“ онъ сталъ—не въ политическомъ, но въ литературномъ смыслѣ,—космополитомъ. Онъ не пошелъ слѣдомъ ни за Толстымъ—проповѣдникомъ, ни за нѣжнымъ Тургеневымъ, ни за психологомъ Достоевскимъ,—вообще ни за кѣмъ изъ русскихъ. Въ Англіи, Франціи, Германіи и Скандинавіи, въ Дарвинѣ и Мопассанѣ, въ Ницше и Стринбергѣ нашелъ онъ теперь своихъ учителей. Онъ былъ врачомъ и близокъ наукѣ, и тонкой западно-европейской культурой дышали его произведенія. Но при этомъ онъ не потерялъ родной почвы, не вырвалъ изъ нея корней. Русскіе, истые русскіе, приводимые въ движеніе европейскими идеями и втягиваемые ими въ конфликты,—это стало главною, своеобразною, интересною темой его позднѣйшаго творчества.“

„Онъ умеръ, — заканчиваетъ „Neue Freie Presse“,—прежде, чѣмъ достигъ полной высоты своего развитія. Его кончина отняла у міра еще многія великія произведенія. И это убѣжденіе должно усугубить скорбь объ его утратѣ“.